

научная статья
УДК: 93/904
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9

Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.)

Дуганов Глеб Сергеевич ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ gleb.doogie@gmail.com

Аннотация. Кросс-культурные исследования обеспечивают важный компонент достоверных обобщений о человеческих обществах, они опираются на постоянное переосмысление и реинтеграцию с другими направлениями антропологии и сравнительных социальных наук. Закономерно, что наиболее яркие примеры кросс-культурных взаимодействий происходили на пограничных территориях, населённых гражданами соседствующих государств. В этом контексте территория побережья Финского залива, которая начала застраиваться дачами во второй половине XIX века и стала популярной среди жителей Санкт-Петербурга, крайне примечательна. Тесное взаимодействие финского и русского населения пришлось на период политической нестабильности: ограничение автономии Финляндии, Революция и Гражданская война вносили коррективы в характер взаимоотношений на территории на фоне становления финского национального самосознания. Несмотря на определённые трудности и конфликты, Финляндия стала важным местом для жителей столицы Российской Империи, которые начали рассматривать соседнюю страну и её культуру не только как курорт, но и как предмет изучения и популяризации, что отразилось на источниках личного происхождения, периодике и путеводителях описываемого периода на русском и финском языках. В статье предпринята попытка реконструировать кросс-культурные связи в дачном районе на основе оригинальных источников и определить характер взаимоотношений исследуемого региона. Практическая значимость работы обусловлена актуальностью дальнейшего изучения дачной культуры как части культуры повседневности; культурного наследия различных этносов на пограничных территориях, а также введением в научный оборот материала на финском языке из периодики, которая является важным источником для исследования кросс-культурного влияния.

Ключевые слова: дачные поселения; Финляндия; кросс-культурные исследования; Санкт-Петербург; Карельский перешеек; взаимодействие культур

Для цитирования: Дуганов Г.С. Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 118–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9.

© Дуганов Г.С., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 93/904
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9

Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914)

Gleb S. Duganov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ gleb.doogie@gmail.com

Abstract. *Cross-cultural studies provide an important component of valid generalizations about human societies and rely on constant rethinking and reintegration with other branches of anthropology and the comparative social sciences. It is natural that the most striking examples of cross-cultural interactions took place in the border areas inhabited by citizens of neighboring states. In this context, the territory of the coast of the Gulf of Finland, which began to be built up with dachas in the second half of the 19th century and became popular among the inhabitants of St. Petersburg, is exceedingly remarkable. The close interaction of the Finnish and Russian populations fell on a period of political instability: the limitation of Finland's autonomy, the Revolution and the Civil War adjusted the nature of relations on the territory against the background of the formation of Finnish national identity. Despite certain difficulties and conflicts, Finland became an important place for the inhabitants of the capital of the Russian Empire, who began to consider the neighboring country and its culture not only as a resort, but also as a subject of study and popularization, which could not but affect the sources of personal origin, periodicals and guidebooks of the described period in Russian and Finnish. The article attempts to reconstruct cross-cultural ties in the dacha area on the basis of original sources and to determine the nature of the relationship of the region under study. The practical significance of the work is determined by the relevance of further study of dacha culture as part of the culture of everyday life; cultural heritage of various ethnic groups in the border areas, as well as the introduction into scientific circulation of Finnish-language material from periodicals, which is an important source for the study of cross-cultural influence.*

Keywords: dacha settlements; Finland; cross-cultural studies; St. Petersburg; Karelian Isthmus; interaction of cultures

For citation: Duganov, G.S. Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 118–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9.

© Duganov, G.S., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Современный методологический корпус кросс-культурных исследований был заложен Д.П. Мёрдоком во второй половине XX века. В своей работе «Standart Cross-Cultural Sample» (1969) он выдвигает

основной тезис, подчёркивающий систематизацию исследований, заключающийся в том, что элементы любой культуры имеют тенденцию со временем функционально интегрироваться или взаимно приспособливаться друг к другу [1, p. 329]. Мёрдок утверждает, что кросс-культурные исследования составляют важный компонент достоверных обобщений о человеческих обществах, а также что великое достижение антропологии заключается в совокупном корпусе интенсивных этнографических наблюдений.

Из этих особенностей базиса кросс-культурных исследований впоследствии образовался подход, называемый «Comparative cultural studies». Венгерский учёный С. Тётёсу де Зепетнек утверждает, что дисциплина, имеющая богатую историю как в отношении теории, так и практики, предоставляет исследователям новые теоретические подходы для культурологических исследований и модернизации методологии [2, p. 2], показывая при этом актуальность и незаменимость во многих дисциплинах. В обзоре книги Джорджа М. Фредерикса «The Comparative Imagination: On the History of Racism, Nationalism, and Social Movements» (1997) утверждается, что сравнительная перспектива «дает нам хорошую возможность оценить, насколько сравнительная история может внести свой вклад в современное знание. В «Сравнительном воображении» Фредрикс приветствует растущую тенденцию историков Соединенных Штатов писать со «сравнительной точки зрения... используя иностранные примеры для объяснения того, что является отличительным в американском обществе» [2, p. 2].

Таким образом, именно сравнительный метод культурного взаимодействия способен сполна раскрыть не только характерную специфику населяющей конкретный регион нации, но и проследить, как соприкосновение различных культур сказывалось на его развитии. Это особенно заметно на примере Финляндии, которая, будучи частью Российской империи на протяжении более ста лет, не только оставила значительный след в истории и культуре страны, но и переняла ее многие характерные черты. Особенно этот синтез прослеживался на территории Ингерманландии и Карельского перешейка.

Дача как явление начала изучаться сравнительно недавно. Своё развитие проблематика исследования дачного региона, в частности,

побережья Финского залива, получила в постсоветское время, начиная с 1990-х годов, когда интерес к нему возрос не только в связи с подпольной работой деятелей Октябрьской революции, но и с его дореволюционным наследием: публикуются многие монографии и книги, устраиваются памятные акции (как, например, мероприятие, посвящённое памяти М.Я. Герценштейна в 2006 г. спустя 100 лет со дня его убийства), а в начале 2000-х годов был создан сайт terijoki.ru, посвящённый истории Карельского перешейка и собиранию архивных документов. Несмотря на это, обозрение изменений фонов взаимодействий финского и русского населения на этой территории остаётся до сих пор не удостоенной внимания темой, что делает исследование в этой области актуальным и перспективным.

Фокусом статьи является анализ характера межкультурных связей, что предполагает выявление особенностей того, как меняющиеся политическая, экономическая и социокультурная действительности отражались на различных аспектах повседневной жизни населения региона. В силу уникальности пограничных городов с точки зрения этнографического состава, исследование способно дополнить и актуализировать изучение взаимоотношений Финляндии и России на социокультурном уровне и влияние этих взаимосвязей на дальнейшее развитие территорий побережья Финского залива и Санкт-Петербурга.

Материалы исследования и подходы

В качестве предмета исследования был выбран регион дачного пространства побережья Финского залива – такие дачные города, как Терийоки (Зеленогорск), Келломяки (Комарово), Куоккала (Репино), Сиестарйоки (Сестрорецк), Тюрисевя (Ушково), Валкеасаари (Белоостров). Обусловлено это тем, что пограничные территории по своей сути являются ярким примером взаимодействия культур и именно через них наиболее отчётливо можно проследить характер видоизменяющихся кросс-культурных взаимодействий. Здесь пересекались сразу три существенно отличавшихся группы населения: финское крестьянство, русские сельские обыватели и столичные дачники, часть которых принадлежала к весьма состоятельному кругу [3, с. 50]. Также представляется возможным отнести сюда немногочисленную прослойку шведской и финской интеллигенции:

аптекари, работники железнодорожной службы, купцы и пр. Временной промежуток выбран из соображений попытки реконструировать становление взаимодействия финской и русской культур от фактического зарождения дачных посёлков и возникновения политической нестабильности между Финляндией и Россией вплоть до начала Первой Мировой войны, которая обозначила новую веху в социокультурном становлении общества Европы.

Причины и последствия популярности дачных районов и, как результат, более тесных культурных связей были проанализированы О.Ю. Малиновой-Тзиафета в книге «Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга» (2013). Ссылаясь на классический труд социологов Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», Малинова-Тзиафета утверждает, что перемены были частью сложной и меняющейся городской культуры, и её социальных конфликтов [4, с. 16]. Исследовательница отмечает, что в конце XIX в. под давлением урбанизации многие городские жители начали искать уединение и покой. Несмотря на обилие железнодорожных станций в южном направлении, направление на север и Карельский перешеек стало крайне популярным. Как следствие, за условной границей в Белоострове вывески на лавках «говорили» на двух языках – финском и русском, нравы русских дачников отличались непривычной для них чистотой и вежливостью, хотя финны далеко не всегда хорошо понимали русскую речь [4, с. 208]. Проблема взаимоотношений различных социальных групп в обозначенный период изучалась, к примеру, М. Лахтеенмяки [5] и Китти Винг Он Лам [6]. Они приходят в своих исследованиях к выводу, что в силу российской политики русификации и неопределённости юридического положения Финляндии по отношению к столице, отношение финского населения побережья залива характеризуется стремлением не только отстаивать своё право на защиту национальной идентичности, но и получить возможность осуществления торговой и культурной деятельности на территории своей страны. Это выражается, прежде всего, в различного рода конфликтах, возникающих на территории, а также в изменениях политической жизни как финского, так и русского населения. Впрочем, несмотря на ярко выраженную напряжённость в межкультурных контактах, многие русскоязычные

источники демонстрируют стремление к мирному сожительству с финнами и популяризации культуры страны.

В целях более подробного анализа характера этого взаимодействия автором были отобраны источники, отражающие кросс-культурное взаимодействие финнов и русских. Это, прежде всего, воспоминания и мемуары жителей района данного периода: К.И. Чуковского, И.Е. Репина, В.В. Вейдле, О.Э. Мандельштама, М. Уотинена и др., а также периодика исследуемого периода на финском, шведском и русском языках: газеты “Териокский дневник”, “Дачная жизнь”, “Hufvudstadsbladet”, “Karjala” и др. Отдельное внимание уделено путеводителям, которые становятся особенно популярными в обозреваемый период по причине развивающейся отрасли туризма.

Результаты исследования

Территория юго-восточной Финляндии, включая побережье Финского залива, отошло к Российской империи по окончании войны со Швецией в 1721 г. по Ништадтскому мирному договору, став частью Выборгской Губернии. Загородные резиденции, состоящие из аристократических дач, начали появляться близ Петербурга ещё во времена Петра I, однако главным образом они строились вдоль Петергофской дороги, пролежавшей по берегам реки Фонтанки, через Стрельну и далее до Петергофа вплоть до резиденции самого Петра [7, с. 9]. У Финского залива дачный ареал начал формироваться во второй половине XIX века [8, с. 43]. Связано это, прежде всего, с социальными переменами общественной жизни страны и процессами урбанизации.

Политическая обстановка между Великим Княжеством Финляндским и Россией перед началом революции 1905 г. и во время неё была весьма напряжённой и неоднозначной. С одной стороны, развивалось экономическое сотрудничество – туризм во времена становления капиталистических отношений сделал Финляндию популярным местом для отдыха и оздоровительных поездок [4, с. 127–132], осваивалось дачное пространство Карельского перешейка, где, к примеру, проживал И. Репин, который, будучи редактором журнала «Мир искусства», представлял на его страницах финскую живопись [9, с. 67]. С другой стороны – явное недовольство проводимой политикой побуждало к радикальным мерам противников

реформ, что укрепляло противоречия сожительства русских и финнов на финской территории. Так, в 1906 г. произошло убийство М.Я. Герценштейна, члена партии кадетов и депутата Первой Государственной Думы, которое сразу же начали связывать с политическими мотивами правых партий, о чём писали финские газеты [10, s. 3]. Это убийство стало краеугольным камнем в перемене взаимоотношений русского и финского населения в дачном регионе. Расследовавший убийство ленсман А. Хююрюляйнен, собирая объёмный материал для поиска преступников, оказывался в конфликтных ситуациях с русским населением посёлка. Так, в газете «Hufvudstadsbladet» есть сюжет о том, как ленсманом был проведён ряд обысков домов русских граждан, а также распространяющего литературу революционного характера книжного магазина А. Тойвола, из которого она была конфискована и передана следователям в Выборг и Петербург [11, s. 7]. Тем не менее, дачная местность побережья Финского залива, будучи важной частью жизни меняющегося общества рубежа XIX и XX веков, продолжала осваиваться и укрепляться в мировоззрении людей и как новая модель дачной культуры, и как образ финских земель как таковых.

Стоит также упомянуть, что образ побережья Финского залива как идеального места для летнего отдыха не всегда соотносился с действительностью. Так, в путеводителе по Финляндии, составленном К.Б. Кренхагеном, упоминается, что Терийоки «не имеют ничего притягательного для дачника, за исключением близости к Петербургу», а сами финны скорее «покидают пыльные города ... и ищут приволье в своих шхерах или на берегах своих живописных озёр» [12, с. 25]. Тем не менее, популярность региона среди петербуржцев была довольно большой. Культуролог и писатель В.В. Вейдле, семья которого имела дачу в Райволе, в своих воспоминаниях пишет: «Ничего не было банальней для петербуржца, чем снимать дачу в Финляндии, или ездить в Финляндию к себе на дачу» [13, с. 14]. Он отмечает и вышеупомянутую прослойку финской интеллигенции, отмечая, что «помимо дачников, сама деревня была русской. Финским было Верхнее Райвола, ... аптекарь наш был финн, начальник станции, почтальон» [13, с. 15].

Исходя из этого, учитывая русский анклав в районе, густонаселенном финскими фермерами и крестьянами, было бы заманчиво предположить, что дачники, прибывшие сюда в конце XIX века, органично

смешались с русскими рабочими [14]. Тем не менее, подробный анализ срез населения в регионе в целом лишь подтверждает неоднородность его состава, что становится одной из причин неоднозначности распределения дачных посёлков. Это подтверждают газеты: так, к примеру, в отношении города Терийоки упомянуто, что он был настолько близок к Санкт-Петербургу, что фактически являлся частью сферы столицы, но в то же время был отделен другим языком, культурой и религией, а также таможенными пошлинами [15, с. 3]. Несмотря на то, что дачники были в большей степени связаны со столицей, где находились, к примеру, их дом и место работы, многие приезжали в Терийоки в течение нескольких лет подряд, что свидетельствует о восприятии пограничных поселений не как места заграничных поездок, но второго дома. Редакция поощряла дачников создавать свои собственные ассоциации для обсуждения своих потребностей с местными властями [16, с. 3]. Также часто можно было найти письма редактору, в которых выражалось знакомство дачников с финской средой. Автор одного письма утверждал, что приезжие часто знали живописные места лучше, чем местные жители [17, с. 3]. Популярный журнал «Дачная жизнь» сообщал, что многие местные жители в дачных городках на самом деле были бывшими петербуржцами, переселившимися в Терийоки и начинающими превращать это место в свой настоящий дом [6, с. 63].

Таким образом, сочетание неоднозначных представлений о том, каким образом наличие дачных поселков на финской территории транслировалось в русскую читающую публику, свидетельствует о непоследовательности использования этнических и национальных категорий. Преобладание термина «местные» свидетельствует о том, что российские наблюдатели, писавшие о финском дачном пространстве, представляли себе Финляндию как место, которое способно быть как чужим, так и знакомым, в зависимости от ситуации. Когда в Финляндии в начале 1900-х годов вспыхнули протесты против русских планов присоединения дачных городков к Санкт-Петербургской губернии, газеты, ориентированные на дачников, призывали читателей не поддаваться духу националистической полемики, господствовавшей в правых кругах. Так, к примеру, в газете «Териокский дневник» в заметке, обращённой к распространению конфликтности между финским и русским населением,

автор убеждённо говорит о том, что «...туман искусственной розни, создаваемой между финским и русским населением, скоро рассеется, и тогда все увидят, что каковы бы ни были взаимные политические и экономические отношения, русская и финская культуры не могут быть противоположаемы, как враждующие стороны» [17, с. 2]. В отличие от более консервативных газет, таких как «Новое время», которые часто указывали на отчужденность русских в Финляндии, эти газеты объясняли административные изменения необходимыми логистическими мерами для обеспечения упорядоченного местного управления в дачных зонах, а не площадкой для начала военных действий против финских соседей [6, р. 65]. В этих комментариях признавались различия между местными финскими жителями дачных городков и сезонными приезжими из России, но отношения между этими людьми не изображались как отношения, в которых одна группа доминирует над другой. Смешанные сообщения в популярных описаниях Финляндии и Карельского перешейка как знакомых и чужих вызывают недопонимания, если сопоставить их с официальным дискурсом о политическом статусе Финляндии в составе Российской империи. С 1880-х годов образованные консерваторы, тесно связанные с правительством, все чаще сетовали на отделение Финляндии от Российской империи и на отсутствие единообразия в российских и финских правовых положениях по защите имперских подданных.

Неоднозначная ситуация разделения сфер влияния внутри региона накладывала свой отпечаток и на отношение финского населения к русскому. Финский лингвист и этнограф К. Доннер, побывав в Терийоках в 1910-х годах, удивлялся в своих мемуарах тому, что он будто бы оказался на русской земле, причём он пишет «*ryssien maahan*» вместо привычного «*venäjän*», что несёт в себе крайне отрицательную коннотацию по отношению к русскому населению [5, s. 9]. Он с возмущением пишет о том, что все вывески магазинов на улицах были на русском языке, многие предметы быта поставлялись из России. Это объясняется, прежде всего, тем, что само население региона финансово и культурно зависело от Санкт-Петербурга. Более того, в сознании иностранцев Терийоки воспринимался чересчур обрусевшим или, по крайней мере, нефинским, следовательно, иностранным и ненадёжным местом [5, s. 21–22].

Стоит также упомянуть, что после прошедших в 1907 году первых парламентских выборов, на которых победили социал-демократы, начало усиливаться рабочее движение, что вызывало большие опасения у правых партий. С активизацией рабочего движения в Финляндии начали появляться и рабочие союзы, шесть из них – в Терийоках в 1906–1909 годах [5, s. 48]. Политизированность обстановки выражалась, например, в обильной критике российской дачной и земельной собственности и последствиях русификации. Так, в памфлете газеты «Karjala», посвящённому недовольству политики в отношении образования в связи с увеличением уроков русского языка, истории и географии России на Карельском полуострове, в том числе и в Терийоках, автор называет русских «ушкуйниками», которые совершают набеги на Финляндию, забирая деньги ради чуждых ей преобразований [18, s. 3]. Другим примером стал фестиваль песен, игр и спорта летом 1910 года в Терийоках, организованный после усиления слухов о возможности нового этапа русификации, который впоследствии превратился в декларированный политический праздник, где выступали политик и историк К.В. Войонмаа, спикер парламента П.Э. Свинхувуд, адвокат Х. Ренвалл, а также композитор О. Мерианто и другие многочисленные актёры и музыканты [19, s. 11–22].

Важным для концепции фестиваля стало произведение М. Уотинена “Kannaksen koteihin”, которым писатель призывал жителей пограничных регионов приложить все усилия, чтобы сохранить свою идентичность: «Будь финном, будь собственным умом, языком, мыслями... Будь защитником границы! Защищайте свои права, свои законы, уважайте их, боритесь за них, помните, что вы представляете здесь народ Финляндии!» [20, s. 3]. Риторика Уотинена выстраивалась на стремлении этнически различать типы людей «пограничья», временами откровенно расистскими методами, а популярность поэта и его книг подчёркивает сложность взаимодействий финнов и русских в предвоенный период.

Впрочем, на бытовом уровне русское население сохраняло и язык, и традиции, а финские лавочники с успехом торговали в русских частях селения [3, с. 54], несмотря на то, что, как упоминает автор путеводителя, для русских представляет неудобство «незнание и непонимание финляндцами, за небольшим исключением, русского языка, и вы

испытываете это в Финляндии чуть ли не на каждом шагу, если только не знаете или шведского, или финского языков» [21, с. 7]. Петербургские дачники активно сотрудничали с финскими предпринимателями и даже поддерживали местные приходы и школы: так, в заметке газеты «Церковный вестник», посвящённой юбилею священника Г. Розанова, упоминается о том, что «...в квартире же ожидало его множество собравшихся посетителей, в числе которых были и представители финляндской интеллигенции, считавшие долгом выразить свое уважение русскому священнику» [22].

Однако вышеупомянутые проблемы во взаимоотношениях всё же приводили и к прямым конфликтам: так, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, проживавший в Райволе в 1908–1910 годах, упоминает в своих мемуарах, как «на мосту, по старинному обыкновению, происходили пьяные столкновения финнов и русских из-за женщин, кончавшиеся порой поножовщиной. Однажды поздно вечером такой пьяный финн, изрыгая финские ругательства и не находя своего дома, забрёл по ошибке на нашу дачу, долго стучался и наконец ушёл» [23, с. 56]. При этом в местных газетах отмечался законопослушный характер и честность финнов: так, в газетной статье, посвящённой воровству, отмечается, что «...едва ли ещё найдётся другая страна, народ которой отличается такою честностью, как народ Финляндии. Финны честный народ во всех отношениях, это известно всякому» [16, с. 3].

Стоит отдельно отметить, что побережье Финского залива не только привлекало дачников в период развивающихся капиталистических отношений и дачной культуры в целом, но и становилось постоянным местом жительства: так, многие представители творческих профессий жили здесь постоянно и приезжали в Петербург только по делам, к примеру, И.Е. Репин, К.И. Чуковский, Л.Н. Андреев.

В Куоккале писатель К.И. Чуковский завёл альманах, который он назвал «Чукоккала» – в нём гости Пенатов могли оставлять свои впечатления, отзывы и рисунки. За время пребывания Чуковского в посёлке в книге оставили записи М. Горький, В. Маяковский, Ф. Шаляпин, А. Блок, А. Кони, Л. Андреев, А. Толстой, В. Брюсов, А. Куприн, И. Бунин, А. Глазунов, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Пришвин, О. Мандельштам, М. Зощенко и др. [24, с. 149–150].

Дореволюционный Петербург, по словам О. Мандельштама, который жил на даче в Терийоках в 1898–1899 годах, «дышал Финляндией» [25, с. 41]. Он с теплотой отзывается о том, какое предназначение несёт это место для жителей столицы: «... и близкий сердцу петербуржца, домашний иностранец, холодный финн, любитель Ивановых огней и медвежьей польки на лужайке Народного дома, небритый и зеленоглазый, как его называл Блок» [25, с. 41]. Писатель отмечает, что он всегда чувствовал особое значение Финляндии для петербуржца, поскольку «сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге...» [25, с. 41]. В фельетоне местной газеты автор отмечает: «...в Териокском дачном посёлке, говорят, летом население достигает свыше 30.000; на протяжении посёлка «от Репина до Леонида Андреева» живут люди разных профессий – писатели, художники, адвокаты, инженеры...» [25, с. 3].

Привлекал столичную интеллигенцию и тот факт, что театральная жизнь в Терийоках была развита хорошо: на театральной сцене Каргазуа ежегодно обновлялся репертуар, ставили пьесы Л. Андреева, Дж.К. Джерома, Еврипида и др. [26, с. 54–56]. Яркие воспоминания о театральной жизни в Терийоках оставил поэт В.А. Пяст. Важной личностью для многих деятелей культуры начала XX века был шведский драматург А. Стринберг. Последующее после его кончины в 1912 году лето Пяст называет «летом о Стринберге» [27, с. 158], а центром его становится театр Терийок: «Так всё совпало: желание Л.Д. Блок играть; материальные возможности ...; любовь к Териокам у многих естественных участников «импровизировавшейся труппы»... А Финляндия – почти «филиал» Швеции: в этом мы вскоре лично и убедились» [27, с. 158]. Среди прочего, Пяст упоминает и о том, что представление было подставлено «под знак независимости Финляндии» [27, с. 160], т.е. в принципиальном нарушении российских законов, поскольку многие поставленные пьесы, как, например, «Поклонение кресту» Кальдерона, не имели возможности пройти цензуру в России.

Местный предприниматель В.И. Йонкер знал некоторых членов труппы Терийок и сдал им в аренду за часть прибыли от продажи билетов своё казино [26, с. 54]. Он сделал это несмотря на то, что труппа предупредила его, что театр задуман только как эксперимент и не принесет значительных доходов от спектаклей, устраиваемых для дачной публики.

Тем не менее, у труппы сложилось хорошее впечатление о Йонкере, и они установили с ним дружеские рабочие отношения в усилиях по созданию своего театра [26, с. 54]. Этот пример художественной деятельности демонстрирует важность межкультурных контактов. Почти месяц после того, как были составлены первоначальные планы этого летнего театра, участники труппы планировали и репетировали выступления в Санкт-Петербурге, хотя многие режиссеры и исполнители жили на дачах в Финляндии.

Подчёркивала прочность дружеских отношений между финнами и русскими в сфере высокой культуры Темира Пахмусс в своей работе о русских писателях в Финляндии «A River of Moving Tears: Russia's Experience in Finland». Русское дворянство часто обменивалось визитами с видными представителями финско-шведской аристократии, а высокопоставленные русские офицеры часто посещали финские баллы [6, р. 125]. Тем не менее, исследовательница также отмечает напряженность между финнами и русскими: чем больше финны пренебрегали русской жизнью и культурой, тем больше русскоязычные обижались на финнов и видели в них мятежный народ, неблагодарный за значительный вклад русских в развитие финской культуры [6, р. 126]. Оживленные дачные поселки на Карельском перешейке свидетельствовали о том, что не все русские художники и писатели в Финляндии всегда испытывали одинаковое чувство изоляции. Многие представители русской художественной интеллигенции в Финляндии непосредственно способствовали развитию театра и художественной культуры в стране. Эта культура была доступна не только художественной элите, но и широкой публике. Летний сезон в Терийоках и других финских городах, где было много дачников, был насыщен публичными выступлениями, такими как спектакли, оперы и концерты.

Некоторые русские писатели и наблюдатели были хорошо осведомлены о событиях в финской культурной жизни и писали о них в русских журналах и газетах. В одной газетной статье в издании, предназначенном для дачных общин, говорилось о значении народной поэзии в развитии финской культуры [15, с. 1]. Обозреватель рассказывал о переводе лингвистом Элиасом Лённротом «Калевалы» – серии народных сказок Карельского региона, которые стали известны как значимая часть «золотого века» финской народной культуры. Он утверждал, что любовь

финнов к музыке и народной поэзии не ослабла за последние годы, а также привёл первый праздник песни в Ювяскюля, городе на востоке Финляндии, в 1886 г. как пример культурной жизни крестьян в Финляндии: «Таким образом, эти праздники возвышают Финский народ в интеллектуальном и нравственном отношении», заключает он [15, с. 1]. Редактор журнала призвал больше специалистов-лингвистов изучать финские рукописи, чтобы ученые могли исследовать специфические связи между финской и русской лексикой. В некоторых публикациях также рецензировались финские литературные произведения и комментировались отношения между этими произведениями и финской жизнью. В одном из таких обзоров обсуждались художественные произведения финских писателей о финском крестьянстве [28, с. 2–3].

Заключение

В исследовании отражены результаты, полученные на основе проведённого анализа финских, шведских и русских источников. Они подтверждают теорию о том, что политическая напряжённость определяла характер взаимоотношений между финским и русским населением: подпольная деятельность революционеров, юридические сложности в координации полиции становятся следствием заметок с негативной коннотацией в финской периодике. Тем не менее, во многих воспоминаниях и газетных заметках, несмотря на внутригосударственные трудности, подчёркивается важность и необходимость культурного взаимодействия финского и русского населения, развитие которого продолжалась вплоть до революции. Особенно это заметно на примере воспоминаний столичной интеллигенции, для которой Финляндия стала незаменимым местом для творческих целей. Писатели, музыканты и художники стали мифотворцами образа предвоенной страны посредством упоминаний о ней в мемуарах и литературных произведениях, переводов финских стихотворений или переезда на дачу, создавая русский анклав среди финских жителей. Таким образом, с помощью сравнительной культурной перспективы была достигнута цель определить особенности межкультурных связей на территории и дать им оценку в контексте истории взаимоотношений Финляндии и России.

Подводя итоги исследования, следует сказать о том, что уникальность кросс-культурных отношений на территории побережья Финского залива, несмотря на то, что этот регион сейчас находится на территории России, подчёркивается тем, что отголоски финского наследия прослеживаются вплоть до настоящего времени: старые финские дачи, кладбища, памятные места и пр. Дачные посёлки, которые формировались и популяризировались во времена бурного развития и распространения различных сфер культуры, становления финской национальной идентичности, напряжённости в политическом климате между странами, стали эпицентром уникально развивающихся межкультурных связей. Это позволяет проводить культурологические параллели между основными лейтмотивами повседневной жизни рассматриваемого периода и тем, как это отражается в творчестве деятелей культуры и общественных деятелей, что демонстрирует перспективу для дальнейшего изучения региона в рамках связей России и Финляндии как перед, так и после Революции 1917 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Murdock, G.P., White, D.R. Standard Cross-Cultural Sample // *Ethnology*. 1969. Vol. 8. No. 4. P. 329–369. <https://doi.org/10.2307/3772907>.
2. Tötösy de Zepetnek S. From Comparative Literature Today Toward Comparative Cultural Studies // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 1999. Vol. 1. No. 3. P. 15. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1041>.
3. Лапин И.С. Райвола – Роцино. СПб.: ООО «ИЦ «ОСТРОВ», 2018. 120 с.
4. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1814). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.
5. Lahteenmaki, M. Maailmojen rajalla. Kannaksen Rajamaa ja Poliittiset Murtumat 1911–1944. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. S. 469.
6. Kitty Wing On Lam. Shared Space, Varied Lives: Finnish-Russian Interactions in Dacha Country, 1880s – 1920s. A dissertation submitted to Michigan State University in partial fulfillment on the requirements for the degree of History – Doctor of Philosophy. 2013. Available at: <https://d.lib.msu.edu/etd/940/datastream/OBJ/View/> (accessed: 22.12.2022).
7. Горбаненко С.Б. Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 444 с.
8. Мусаев В.И. Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX – начале XX века // *История Петербурга*. 2005. № 4 (26). С. 43–47.
9. Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Изд. дом "Коло", 2005. 304 с.
10. Keski-Pohjalainen, 04.08.1906. No. 53.
11. Hufvudstadsbladet, 06.12.1907. No. 333.
12. Мысько А., Станковский В. Путешествие в Выборг и его окрестности с путеводителем К.Б. Грэнхагена, или Финляндский вояж господ из С.-Петербурга В.

Станьковскогo и А. Мыськовскогo летом 1914 гoда. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2020. 112 с.

13. Вейдле В.В. Зимнее солнце. Берлин: Директ-Медиа, 2016. 208 с.

14. Путеводитель по Финляндии под редакцией Карелина. СПб., 1913 г. [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=karelin_04&lang=ru (дата обращения: 22.04.2022).

15. Газета "Териокский Дневник", №1 от 9/22 июня 1913 г., стр. 1. [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-09-22_01&sc=3 (дата обращения: 23.12.2022).

16. Газета "Териокский Дневник", №3 от 23 июня/6 июля 1913 г., стр. 3 [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-23-07-06_03&sc=3 (дата обращения: 20.12.2022).

17. Газета "Териокский Дневник", №2 от 16/29 июня 1913 г., стр. 3 [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-16-29_03&sc=3 (дата обращения: 23.12.2022).

18. Karjala, 05.07.1910, No. 151.

19. Juhlaopas. Laulu-, soitto- ja urheilu- juhlassa Terijoella. 23–26 p: nä kesäkuutta 1910. S. 83.

20. Mikko, U. Kannaksen Koteihin. Viipuri, 1910. S. 205.

21. Федотов Н.П. Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно: [Путеводитель]: С подробными планами Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. СПб.: Н. Федотов, 1888. 153 с.

22. Церковный вестник, 31 августа 1895 года, №35. [эл. доступ]. URL: <http://ristikivi.spb.ru/docs/raivola-church-1895.html> (дата обращения: 23.12.2022).

23. Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. 2007. 168 с. [эл. доступ]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stsh/semenov-tjan-shanskij.pdf> (дата обращения: 19.12.2022).

24. Чуковский К.И. Илья Репин. СПб.: Азбука, 2019. 224 с.

25. Мандельштам О. Э. Шум времени. Москва: Вагриус, 2002. 304 с.

26. Браво А., Травина Е. Зеленогорск. Терийоки. Дачная жизнь сто лет назад. СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2019. 320 с.

27. Пяст В.А. Встречи. Москва: Новое литературное обозрение, 1997. 416 с.

28. Финляндская газета. 16.07.1910. № 9. С. 4.

REFERENCES

1. Murdock, G.P., White, D.R. Standard cross-cultural sample. *Ethnology*. 1969. Vol. 8. No. 4. P. 329–369. <https://doi.org/10.2307/3772907>.

2. Tötösy de Zepetnek S. From Comparative Literature Today Toward Comparative Cultural Studies. CLCWeb: *Comparative Literature and Culture*. 1999. Vol. 1. No. 3. P. 15. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1041>.

3. Lapin I.S. Rayvola – Roshchino [Raivola – Roshchino]. SPb.: ООО «ITs «OSTROV», 2018. 120 s. (In Russ.).

4. Malinova-Tziafeta O.Yu. Iz goroda na dachu: sotsiokulturnyye faktory osvoyeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1814) [From the City to the Dacha: Socio-Cultural Factors in the Development of Dacha Space Around St. Petersburg (1860–1814)]. SPb.: *Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge*, 2013. 336 s. (in Russ.).

5. Lahteenmaki, M. Maaailmojen Rajalla. Kannaksen Rajamaa ja Poliittiset Murtumat 1911–1944 [On the Edge of Worlds. The Borderland of the Isthmus and Political Fractures 1911–1944]. Helsinki: *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*, 2009. S. 469. (In Finn.).
6. Kitty Wing On Lam. Shared Space, Varied Lives: Finnish-Russian Interactions in Dacha Country, 1880s – 1920s. A dissertation submitted to Michigan State University in partial fulfillment on the requirements for the degree of History – Doctor of Philosophy. 2013. Available at: <https://d.lib.msu.edu/etd/940/datastream/OBJ/View/> (accessed: 22.12.2022).
7. Gorbanenko S.B. Peterhofskaya doroga: Oranienbaumskiy istoriko-landshaftnyy kompleks [Peterhof Road: Oranienbaum Historical and Landscape Complex]. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2001. 444 c. (In Russ.).
8. Musayev V.I. Russkiye dachi na Karelskom peresheyke v kontse XIX – nachale XX veka [Russian Dachas on the Karelian Isthmus in the Late 19th – Early 20th Century]. *Istorija Peterburga*. 2005. №4 (26). S. 43–47. (In Russ.).
9. Klinge M. Na chuzhbine i doma [In a Foreign Land and at Home]. SPb.: Izd. dom "Kolo", 2005. 304 s. (In Russ.).
10. Keski-Pohjalainen [Central Ostrobothnia], 04.08.1906, No. 53. (In Finn.).
11. Hufvudstadsbladet [Journal of the Capital], 06.12.1907, No. 333. (In Swed.).
12. Mysko A., Stankovskiy V. Puteshestviye v Vyborg i yego okrestnosti s putevoditelem K.B. Grenkhagena, ili Finlyandskiy voyazh gospod iz S.-Peterburga V. Stankovskogo i A. Myskovskogo letom 1914 goda [Journey to Vyborg and its Environs with the Guide of K.B. Grenhagen, or the Finnish Voyage of Gentlemen from St. Petersburg V. Stankovsky and A. Myskovsky in the Summer of 1914]. SPb.: Izdatelskiy dom «Inkeri», 2020. 112 s. (In Russ.).
13. Veydle V.V. Zimneye solntse [Winter Sun]. Berlin: Direkt-Media, 2016. 208 s. (In Russ.).
14. Putevoditel po Finlyandii pod redaktsiyey Karelina [Guide to Finland Edited by Karelin]. SPb., 1913. Available at https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=karelin_04&lang=ru (accessed: 22.04.2022). (In Russ.).
15. Gazeta "Teriokskij Dnevnik" ["Terijoki diary"], №1 ot 9/22 ijunja 1913 g., str. 1. Available at: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-09-22_01&sc=3 (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
16. Gazeta "Teriokskij Dnevnik" ["Terijoki diary"], №3 ot 23 ijunja/6 ijulja 1913 g., str. 3. Available at https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-23-07-06_03&sc=3 (accessed: 20.12.2022). (In Russ.).
17. Gazeta "Teriokskij Dnevnik" ["Terijoki diary"], №2 ot 16/29 ijunja 1913 g., str. 3. Available at https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-16-29_03&sc=3 (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
18. Karjala [Karelia], 05.07.1910, nro 151. (In Finn.).
19. Juhlaopas. Laulu-, soitto- ja urheil- juhlassa Terijoella. 23–26 p: nä kesäkuutta 1910 [Guide at a Singing, Playing and Sports Festival in Terijoki. 23–26 of June, 1910]. S. 83. (In Finn.).
20. Mikko, U. Kannaksen Koteihin [To the Homes of the Isthmus]. Viipuri, 1910. S. 205. (In Finn.).
21. Fedotov N.P. Dachnye mestnosti po finljandskim zheleznym dorogam ot S.-Peterburga do Gel'singforsa vkljuchitel'no: [Putevoditel']: S podrobnymi planami Vyborga, Vil'manstranda i Gel'singforsa [Dacha Areas Along the Finnish Railways from St. Petersburg to Helsingfors Inclusive, with Detailed Plans for Vyborg, Vilmanstrand and Helsingfors]. SPb.: N. Fedotov, 1888. 153 c. (In Russ.).

22. Cerkovnyj vestnik [Church Herald], 31 avgusta 1895 goda, №35. Available at <http://ristikivi.spb.ru/docs/raivola-church-1895.html> (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
23. Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. To, chto proshlo [That which is Past]. 2007. 168 s. Available at <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stsh/semenov-tjan-shanskij.pdf> (accessed: 19.12.2022). (In Russ.).
24. Chukovskiy K. I. Ilya Repin [Ilya Repin]. SPb.: Azbuka, 2019. 224 s. (In Russ.).
25. Mandelshtam O. E. Shum vremeni [Noise of Time]. Moskva: Vagrius, 2002. 304 s. (In Russ.).
26. Bravo A., Travina Ye. Zelenogorsk. Teriyoki. Dachnaya zhizn sto let nazad [Zelenogorsk / Terijoki. Country Life a Hundred Years Ago]. SPb.: Tsentr sokhraneniya kulturnogo naslediya, 2019. 320 s. (In Russ.).
27. Pyast V.A. Vstrechi [Meetings]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 1997. 416 s. (In Russ.).
28. Finlyandskaya gazeta [Finnish Newspaper]. 16.07.1910. № 9. S. 4. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Дуганов Глеб Сергеевич – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: gleb.doogie@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Duganov Gleb S. – Student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: gleb.doogie@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2023. Одобрена после рецензирования 27.01.2023. Принята 29.01.2023.
Received 15.01.2023. Approved after reviewing 27.01.2023. Accepted 29.01.2023.*